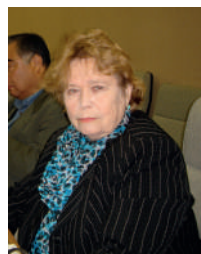

DOI: 10.22250/2072-8662.2017.4.31-41

Аргудяева Ю.В.

Улунгинское (Кхучинское) восстание старообрядцев Приморья в 1932 г.

Аннотация. В статье рассмотрены основные причины возникновения в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х годов взрывоопасной ситуации, связанной с ускоренным строительством социализма и сопровождавшейся введением непосильных налогов, хлебозаготовок, мясопоставок, проведением кооперации, коллективизации, атеизации. Охарактеризованы итоги невыполнения этих мероприятий, вылившиеся в экспроприацию хлебных и иных продуктовых запасов, в выселки глав крестьянских семей, не выполнивших правительственные задания, на различные общественные работы, а некоторых семей – в отдалённые районы Дальнего Востока и Сибири. Обозначены основные причины возникновения в Приморье ситуации, спровоцировавшей агитацию и выступление крестьян-старообрядцев против советской власти, неповиновение, бегство в отдалённые районы края, восстание. Определены основные направления, формы и методы сопротивления старообрядцев политике советизации, кооперирования, коллективизации, атеизации. Выявлена роль старообрядческих наставников, монахов, соборов в организации сопротивления старообрядческого населения. Обращено внимание на тот факт, что развитие в СССР национальной политики и преобразований среди коренных народов негативно сказались на расселении старообрядцев, занявших промысловые угодья аборигенов. Назван состав руководства Улунгинского (Кхучинского) восстания старообрядцев. Дана оценка основному ходу крестьянского старообрядческого восстания. Приведены сведения об участии в восстании приморских старообрядцев представителей коренных народов. Охарактеризованы итоги и последствия старообрядческого восстания старообрядцев в Приморье в 1932 г.

Ключевые слова: русские, крестьяне, старообрядцы, Приморье, кооперация, коллективизация, наставники, духовные соборы, восстание, репрессии

Yulia V. Argudiaeva

Ulunga (Kuqing) Uprising of Primorye Old-Believers in 1932

Abstract. The article elucidates basic reasons for the origin of the very dangerous situation at the end of 1920s – the early 1930s, being connected with accelerated socialism building, introducing exhausting taxes, state purchases of grain, deliveries of meat, cooperation process, collectivization, and atheism. The paper characterizes the results of failure of these measures that led to expropriation of bread and other product reserves and exiling of heads of peasant families, who did not fulfill State tasks, for various social works. Some families were sent to the remote regions of the Far East and Siberia. The author defines main reasons for the situation in Primorye that provoked agitation, insubordination, escapes into remote territories, and the uprising against the Soviet power. There are determined the main trends, forms, and methods of Old-Believers resistance against the policy of Sovietization, cooperation, collectivization, and introducing atheism. The role of Old-Believers teachers, monks, Councils in organizing resistance of Old-Believers population revealed. The article pays attention to the fact that the development of Soviet National policy and reorganization of indigenous peoples negatively influenced the settling of Old-Believers having taken up local hunting areas. The paper gives leaders' names of Ulunga (Kuqing) uprising of Old-Believers. An estimate of the basic course of peasant Old-Believers uprising is given. The author provides information about participation of the indigenous peoples in the uprising of Primorye Old-Believers, as well as characterizes the results and consequences of Old-Believers uprising in Primorye in 1932.

Key words: Russians, peasants, Old-Believers, Primorye, cooperation, collectivization, leaders, Councils, uprising, repressions

Аргудяева Юлия Викторовна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; ведущий научный сотрудник лаборатории археологии и антропологии Амурского государственного университета; 690001, Приморский край, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89; argudiaeva@mail.ru

Argudiaeva Yuliia Victorovna – DSc (History), Professor, Chief Researcher of the Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS; 89 Pushkinskaya str., Vladivostok, Primorskii krai, 690001; argudieva@mail.ru

В 2017 г. исполнилось 85 лет со дня восстания старообрядцев Приморья против советской власти. Оно назревало постепенно и было, безусловно, связано с ускоренным строительством социализма в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х годов, которое сопровождалось человеческими трагедиями и репрессиями. Они коснулись в этот период всех слоёв населения Советского Союза, но особенно тяжело отразились на самой многочисленной части населения страны – крестьянстве. Не миновали репрессии и дальневосточных крестьян, в том числе исповедовавших старообрядчество.

Наступление на крестьян во всех регионах страны началось в конце 1920-х годов. В 1927–1928 гг. в стране разразился хлебозаготовительный кризис, что создало угрозу темпам социалистического строительства, намеченного ВКП(б) и Сталиным. По стране разъехались специальные уполномоченные (так называемые «тридцатитысячники»), в задачу которых входило безоговорочное выполнение хлебозаготовительной кампании. Для крестьян были введены немалые налоги, хлебозаготовки и мясопоставки, так называемые «твёрдые задания». Хлеб, нередко даже семенной, забирали не только у зажиточных, но и у середняков и бедняков, оставляя крестьянскую семью на грани голода. Владельцев излишков или спрятанного хлеба зачисляли в «кулаки» и судили. Отнимали не только зерновые, но и скот, описывали и обобществляли всё имущество, отнимали последние припасы. Затем начались раскулачивание, кооперирование и коллективизация.

Защита крестьянами своей собственности квалифицировалась как «вылазка классового врага». В некоторых деревнях глав семейств отправляли на общественные работы – лесозаготовки, рыбалки и др. Многих зажиточных крестьян-дальневосточников стали высылать семьями в ближайшие или отдалённые районы Дальневосточного региона и даже в Сибирь. К социально-экономическим мотивам давления на крестьян присовокуплялись и гонения за религиозную принадлежность, которая в условиях развернувшейся атеистической пропаганды коснулась прежде всего наиболее стойких в вере приверженцев староверия.

Таким образом, установления и действия советской власти в стране в конце 1920-х – начале 1930-х гг. практически свели к нулю все усилия русского крестьянства по функционированию некогда крепких и зажиточных хозяйств и спровоцировали ответную реакцию крестьян, принявшую разные формы – агитация против советской власти, ответный террор в отношении органов советской власти, открытые крестьянские выступления.

Как же конкретно назревали и развивались эти события в 1920–1930-е гг. среди старообрядческой среды Приморья?

Крестьяне-старообрядцы пришли в Приморье из разных регионов европейской части России, Урала, Сибири, Забайкалья, Амурской области во второй половине XIX в. – первой трети XX в. Первоначально они поселились в Приханкайской низменности, но по мере заселения этих земель уссурийскими казаками и крестьянами, исповедовавшими официально признанное православие, стали уходить в незаселённые таёжные районы отрогов Сихотэ-Алинского хребта, а оттуда – на побережье Японского моря. Здесь к 1930-м гг. сформировалось несколько десятков старообрядческих деревень и хуторов.

В Приморье реакциями старообрядцев на экономические и политические действия властей стали бегство в глухие таёжные районы, отказ от вступления в кооперативы и колхозы, устройство на работу на промышленные предприятия и железную дорогу, где не надо было платить налоги, вооружённые выступления. Иные тайно уходили за рубеж, в частности в соседнюю Восточную Маньчжурию.

В Приморье, в бассейне р. Уссури, где в период гражданской войны действовали партизанские отряды, различные мероприятия советской власти начали осуществляться с 1923 г. Постепенно здесь стали создаваться сельские советы и другие органы местной власти, предпринимались попытки кооперирования, открывались фельдшерские пункты, школы, клубы. Зажиточное, в том числе старообрядческое население, было недовольно этими новшествами. В эти годы здесь создавались и действовали, летучие вооружённые отряды, которые боролись против представителей советской власти.

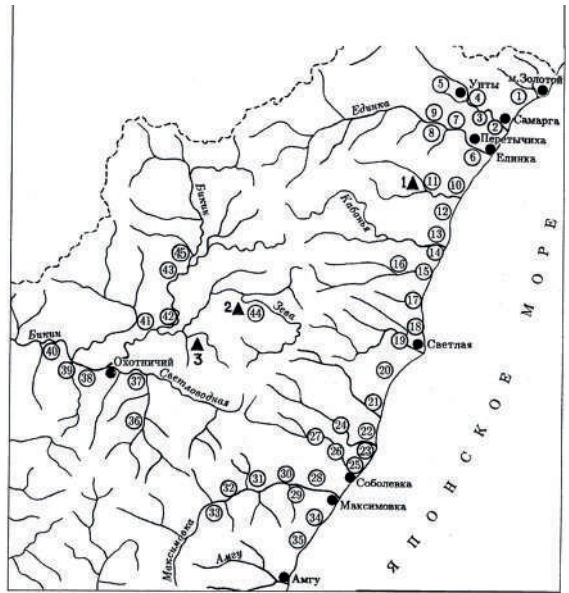
Вооружённое выступление старообрядцев (так называемое Кхунгинское или Улунгинское) в 1932 г. на северном побережье Японского моря и в центре Сихотэ-Алинской горной страны назревало в течение нескольких лет. Повстанческой организацией была охвачена довольно обширная территория по побережью Японского моря и в таёжной местности бассейна р. Бикин, где связь между населёнными пунктами была нерегулярной и иногда отсутствовала в течение 3–6 месяцев. К тому же, к концу 1920-х – началу 1930-х годов в этом районе накопилось немало граждан из числа «бывших» – зажиточные крестьяне-кулаки, офицеры-белогвардейцы, торговцы, участники гражданской войны на стороне «белых» и интервентов, и др. Здесь они укрывались от преследования советской власти в европейской части России, в Сибири, на Урале, в Амурской области. Например, самая отдалённая территория Северного побережья – Самаргинская долина – стала заселяться в основном крестьянами-старообрядцами только после завершения на Дальнем Востоке гражданской войны [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. 18. Л. 5].

Основная масса беглецов-старообрядцев состояла из богатых и зажиточных граждан. Они поняли, что сохранить своё экономическое благополучие и вероисповедание в условиях коллективизации и атеизации невозможно.

Переселение в таёжные районы Сихотэ-Алинской гряды и на северное побережье Приморья, где вплоть до 1930 г. не была проведена полная советизация, как это уже произошло в стране, да и в центральной части Приморья, давало шанс пожить хоть какое-то время, не выполняя мероприятий правительства и руководствуясь в жизни только привычными религиозными и бытовыми традициями, основанными на подчинении духовным наставникам и крепким в вере общинникам-старикам. Такое положение оставалось характерным для населения глухих таёжных районов за Сихотэ-Алинским перевалом, в бассейне р. Бикин и в бассейнах рек, впадающих в Японское море, где старообрядцы создали несколько хуторов и деревень [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 112; Т. 18. Л. 7]. В частности, такими поселениями были расположенные в верховьях р. Бикин деревни Улунга (Бикинская)¹, Лаухэ и прилегающие хутора – будущие центры Улунгинского восстания старообрядцев.

Основные сведения о восстании содержатся в архивных материалах в Государственном архиве Приморского края.

По мнению одного из руководителей Улунгинского восстания, началом подготовки вооружённого выступления против советской власти на побережье

Места поселений старообрядцев в северной части Приморского края (состояние на 1932 г.):

черные кружки – существующие ныне поселения. Старообрядцы жили в п. Охотингем (ранее Улунга Бикинская), Амгу, Максимовке (ранее Кхунгин), Соболевке (ранее Такобе), Единке, Перетьчихе, Самарге и Унтах; **черные треугольники** – места бывших монастырей: 1 – по реке Пея; 2 – по р. Зезе, недалеко от хут. Баранова; 3 – по ручью Каменному (притоку Зевы); **кружки с цифрами** – уже исчезнувшие поселения и хутора: 1. Адини – поселок; 2. Назаровка – поселок; 3. Пугдо – хутор; 4. Малиновка – хутор; 5. Вознесенка – хутор; 6. Каменка – поселок; 7. Котеловка – поселок; 8. Антоновка – поселок; 9. Самаровка – поселок; 10. Ахобе – поселок; 11. Луэжи – хутор; 12. Кюма – поселок; 13. Нахтаха – поселок; 14. Сквородка – поселок; 15. Пея – поселок; 16. Верхняя Пея – поселок; 17. Канц – поселок; 18. Бакааний – поселок; 19. Фунты – поселок; 20. Бобково – поселок; 21. Свани – поселок; 22. Мысовка – поселок; 23. Кузнецова – поселок; 24. Андреевка – поселок; 25. Такобе – поселок; 26. Гостюхина – хутор; 27. Зайкова – хутор; 28. Хайндон – поселок; 29. Адо – поселок; 30. Горбунова – хутор; 31. Уаунга (кхунгинская) – поселок; 32. Некрасовка – хутор; 33. Междуречье – поселок; 34. Широкая падь – поселок; 35. Сайон – хутор; 36. Шарниова – хутор; 37. Бинамо – хутор; 38. Гребенчиково – хутор; 39. Бакулева – хутор; 40. Лаухэ – поселок; 41. Хомякова – хутор; 42. Старкова – хутор; 43. Новожилова – хутор (недалеко от него был снит о. Авраамин); 44. Баранова – хутор (недалеко от него был снит о. Саватия); 45. Платникова – хутор. (По Бикину были также хутора Постникова, Болднива, Малахова, Пермякова, их точное местоположение пока не известно).

Источник: Паничев А.М. Бикин. Тайга и люди. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2005. С. 147.

Илл. 1. Место поселений старообрядцев в северной части Приморского края (состояние на 1932 г.).

Источник: А.М. Паничев. Бикин. Тайга и люди. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2005. С. 147.

Японского моря и в центральной части Сихотэ-Алиня нужно считать 1925 г., когда в район Улунги Бикинской прибыли представители советской власти по переписи народонаселения, инвентаря, скота. К этому мероприятию старообрядцы отнеслись критически и вкрайне враждебно. Начётчики агитировали всякими способами уклониться от переписи и скрыть от учёта скот и имеющийся инвентарь. Они считали, что если кто будет занесён в поимённые списки, то на него налагается «печать антихриста» и ему больше нет возврата к спасению души. Некоторые старообрядцы, чтобы не быть взятым на учёт, попасть в поимённые списки, намеревались уйти в глухую тайгу [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 93–95].

По свидетельству одного из участников Улунгинского выступления старообрядцев, до 1926–1927 гг. тогда ещё незначительное население Бикина жило обособленной замкнутой жизнью, сохраняя вековые традиции религиозного и бытового порядка. Это был осколок допетровской Руси, где жизнью общины руководили соборы-сходы и наставники. В 1926 г. в Улунгу для закупки на месте пушнины и мехового сырья приехал первый агент Госторга, который был встречен населением недружелюбно. Не желая сорвать заготовку пушнины, агент согласился на условия старообрядцев и брал пушнину в этот сезон, не принуждая ни к каким записям и росписям.

Организованный в пос. Кхучин на побережье Японского моря кооператив открыл в 1928 г. в Улунге (Бикинской), для закупки на месте пушнины и мехового сырья, своё временное отделение. Это вызвало крайнее недовольство большинства населения, особенно стариков. Они говорили, что сам факт открытия кооперации неизбежно связан с необходимостью записи («антихристова печать»), а принуждение брать билет и сделаться членами кооператива влечёт к проклятию свыше, раз и навсегда исключает всякую возможность к душевному спасению. Особенно боялись открытия школы, и когда в 1928 г. появился слух, что на Бикине райисполком намерен открыть школу, в посёлке произошла паника. Крестьяне-старообрядцы говорили, что отдать детей в безбожную школу, где открыто учат, что Бога нет, что земля круглая и вертится, где учат песням и танцам, они не намерены [Аргудяева, 2008, 41].

В 1929 г. приехавший в Улунгу Бикинскую секретарь Туземного сельсовета произвёл учёт населения, земли, покосов, скота и инвентаря. Эта перепись заставила насторожиться старообрядцев, были первые попытки бегства вглубь тайги от «безбожной власти» [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 116].

Отрицательное отношение основной массы населения к мероприятиям советской власти, особенно к разворачивавшемуся на Бикине и побережье кооперированию и коллективизации, приняло характер вражды и открытого озлобления. Это совпало с началом конфликта на КВЖД, и среди населения усилились слухи о занятии Маньчжурии китайскими войсками и белогвардейцами, о неизбежной войне, в которой должна принять участие и Япония.

К этому времени в СССР всё большие обороты набирала национальная политика. Особенно большие преобразования намечались среди коренных народов Сибири, Севера и дальневосточного региона – в бассейнах Амура, Усури, их притоков и рек, впадающих в Японское море. В 1920-е – начале 1930-х годов на промысловую территорию Сихотэ-Алинского горного массива, где обитали удэгейцы, переселилась часть старообрядцев. Сихотэ-Алинский Туземный РИК неоднократно выносил постановления и ставил вопросы перед Комитетом народов Севера о выселении староверов из районов, издавна считавшихся территорией расселения и природопользования коренного населения. В январе 1930 г. был опубликован приказ Далькрайисполкома, согласно которому устанавливались границы Туземного района, из пределов которого должны быть выселены русские, поселившиеся самовольно в верховьях Бикина, Зевы, Бесселазы, Биаму и образовавшие там ряд хуторов. Это распоряжение население хуторов встретило с негодованием, начались призывы защищать свои права вплоть до вооружённого восстания [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 112–113, 120].

Увеличили враждебное настроение и создание на Бикине в пос. Лаухе сельхозартели, работе по подготовке к вступлению в колхоз. Старики запугивали близким концом света, ссылались на решения старообрядческих соборов (съездов) и

библейское писание, в котором говорилось: «Сильный борись – слабый беги» [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 97, 112–113, 120, 237].

В первой половине 1932 г. в районе Бикина распространился слух о том, что этой весной все без исключения должны войти в колхоз. Это вызвало панику среди населения. Особенно остро реагировали на эту ситуацию руководители старообрядческих «соборов» (съездов). Они говорили, что население хуторов, расположенных в районе р. Бикин, будет выселено и организовано в колхоз, хлеб будет отобран и все жители будут переведены на хлебный паёк. Распускались слухи о приходе японцев и захвате ими Северного Побережья [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 9]. Некоторые крестьяне уже готовились бежать вглубь тайги и говорили, что необходимо защищать свои права веру, обычаи и обряды вплоть до вооружённого выступления против безбожной власти [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 97].

Всей повседневной жизнью старообрядческих общин практически руководили особо крепкие в вере старики, начётчики, монахи и монастыри, расположенные в верховьях р. Пеи, р. Зевы и других притоках р. Бикин.

Все важные вопросы, связанные с жизнью общины – касающиеся религии, отношения к действиям власти, бытовые условия общин, проступки членов общины и др., разрешались в одном из монастырей на особых совещаниях – «соборах» (съездах), которые собирались обычно 2–3 раза в год. К участию в этих соборах приглашались наиболее стойкие и выдержанные старообрядцы, знатоки религиозных учений. Нарушившего то или иное постановление съезда, совершившего те или иные проступки, судили по законоуложению «Судебника» царя Алексея Михайловича. На каждого осуждённого налагалось соответствующее взыскание от епитимии до отлучения от братии на длительный срок, а то и навсегда. На этих же «соборах» разрабатывались законоуложения для братии, общин и монастырей, – так называемые «Соборные Уложения», в которых давались указания братии соблюдать постановления соборов со всей строгостью и неуклонностью и категорически запрещалось принимать те или иные новшества, в том числе противодействовать всем мероприятиям советской власти, таким как коллективизация, кооперирование населения, хлебозаготовки, открытие школы, фельдшерских пунктов и больниц, лесозаготовки, создание кооперативов по заготовке рыбы, скота и др. [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 91, 94–95, 277 об.].

«Соборные уложения» фиксировались, переписывались и рассылались по деревням и хуторам, где начётчики на нарушивших «уложение» налагали взыскания. По свидетельству местных жителей такие действия восстанавливали население против советской власти: оно было настроено враждебно и уклонялось от проведения в жизнь того или иного мероприятия, в том числе кооперации и коллективизации [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 278].

Главными руководителями и идейными вдохновителями по подготовке Улунгинского восстания являлись представители местных монастырей. Они с непримиримостью вели агитацию против всех мероприятий советской власти, распускали провокационные слухи о её скорой гибели, внушали, что существующий строй – «власть антихриста», что неизбежен близкий конец мира и поэтому во имя спасения необходимо уходить вглубь тайги. В общении с крестьянами-старообрядцами они внушали, что время пришествия «антихриста» близко, так как предтечи его (подразумевая под этим советскую власть) уже царствуют. На все проводимые советской властью мероприятия, о которых узнавали обычно по слухам, подбирали соответствующую главу из Библии или из других книг Священного Писания и цитировали. Причём все мероприятия комментировались в пользу близкого пришествия царствования «антихриста». Более всего страшились принятия так называемой «антихристовой печати», исключавшей всякую возможность к душевному спасению. Началом принятия печати считали составление поимённых списков, и когда в 1925 г. представители власти, как уже говорилось, составляли списки, то многие убежали в тайгу, скрывали малолетних детей и престарелых родителей, и т.д. [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 89].

Примерно до 1926 г. религиозная работа и агитация монастырей и начётчиков велась как на Бикине, так и на побережье открыто, а с 1926 г. перешла на

полулегальное положение. Монастыри и начётчики в этот период почти всецело руководили внутренней жизнью общин в нужном для них направлении. Политическая агитационная сторона работы монастырей, наставников и др. чувствовалась при каждом мероприятии советской власти, вся деятельность которой встречала оппозицию со стороны общей массы населения. Монахи-наставники открыто выступали против нарушения собственности и резко критиковали создание колхозов, говоря, что в колхозе собственность будет нарушена, начиная от имущества и до собственных жён. В деревнях Улунге-Бикинской, Пее, Канце и др. старики говорили: «Каждому дому должен быть хозяин»; «Без хозяина и дом сирота» [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 117].

Попытки кооперирования населения, как на Бикине, так и на побережье встречали дружное сопротивление верующих и их начётчиков. Особенно резко выступали против членских билетов и записей («антихристова печать»). Оппозиция против Всеобуча, открытия школ, ликбезов, просветительных кружков шла под флагом необходимости религиозного воспитания молодёжи на принципе безукоризненного подчинения старшим. Новые школы называли «Безбожными школами, где учат бесовским пляскам и мерзким песням», в противовес рекомендовали Псалтырь и Библию.

Когда в Кхучине, Кузнецово, Пее, Канце и других селениях были открыты кооперативы, школы, фельдшерские пункты, то так называемое «Бикинское Соборное Уложение» реагировало на это следующими статьями:

«II я статья

Все согласны блюстись (уберегаться) Предтеч Антихристовых, по слову святого Иоана Златоуста...

IX я статья

В кооперативе в Дальторге, в Союзохоте и прочих казённых лавках не брать самим, но через людей, боясь чтобы не попасть в росписи к новому числу...

XIII я статья

Песни бесовские и стихи не петь и не играть и не глумиться христиан всякими смехотворными играми. Песни и стихи кто будет петь, таковых отлучать». (Эта статья касалась новых советских песен и частушек)...» и др. [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 18].

Когда возникали споры, собор обращался к судебнику царя Алексея Михайловича и подыскивал соответствующую статью. Помимо более значимых вопросов – ослабление веры, непослушание старших, нарушение обычаев, несоблюдение поста, изменение обычной одежды и др. – к судебнику прибегали и при вопросах второстепенного порядка. Так, например, даже вопрос об установлении высоты поскотины, решался по судебнику [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 18].

Проводимые советской властью в конце 1920-х – начале 1930-х гг. различные мероприятия будоражили общественное мнение, порождали разные провокационные слухи, разговоры повстанческого характера и прямую антисоветскую агитацию. Она проводилась с опорой на религиозные воззрения, как в основной части расселения старообрядцев в бассейне р. Уссури, так и на побережье Японского моря и в центральной части Сихотэ-Алиня – бассейнах рек Хор, Бикин и их притоках. Недовольные политикой советского государства призывали саботировать проводимые им мероприятия, в частности проведение в 1930 г. хлебозаготовок: «Крестьяне, прячьте хлеб, картошку, кто куда может, а давать не давайте... Этой власти всё равно не существовать... [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 26]. Один из обвиняемых по Улунгинскому восстанию, свидетельствуя о сложившейся ситуации в январе-феврале 1932 г., говорил: «...распускаемые слухи стали принимать более широкий характер... крестьянами стали высказываться недовольства в более резкой форме...: Советская власть нас крестьян начинает прижимать, не даёт свободно жить, всех загоняют в колхозы, душат налогами, облагают хлебом, не дают свободно крестить детей, преследуют наших начётчиков и лишают их права голоса... Насильно загоняют в колхоз, где, конечно, с нас кресты снимут, пояса также, не дадут нам праздновать наши религиозные праздники... нам нужно принимать все меры к тому, чтобы избавиться от кооперации и колхозов. Такая власть нам, староверам,

не подходит, и нам нужно от неё избавиться» [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 297; Т. 18. Л. 25].

Жители пос. Кхуцин, расположенного на побережье Японского моря, где в 1930–1931 гг. начали проводить коллективизацию, прямо заявляли, что жить в Кхуцине больше невозможно, надо бежать от коллективизации в тайгу, где ещё можно построить такую жизнь, которая им нравится, и прежде всего без колхозов, при которых все останутся нищими и голодными. В результате таких разговоров несколько семей ушли на р. Бикин и в другие таёжные районы за Сихотэ-Алинский перевал и создали там новые хутора [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. 18. Л. 25]. Росло недовольство мероприятиями советской власти и в других населённых пунктах северного побережья Приморья, причём не только среди зажиточных крестьян, но и середняков и бедняков [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. 18. Л. 25].

Жители населённых пунктов по р. Бикин тоже были недовольны тем, что их начали облагать хлебным налогом, предполагали некоторых раскулачить и выселить, создать колхозы. В итоге они пришли к выводу, что так жить нельзя – лучше взять оружие и уйти в тайгу [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. 18. Л. 25]. Некоторые собирались переехать в верховье р. Хор, куда уже перевезли часть своего имущества и хлеба [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. 18. Л. 25].

Таким образом, вводимые в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Приморье так называемые «твёрдые задания», раскулачивание, кооперирование и коллективизация вызвали недовольство среди основной части крестьянства южной части Дальнего Востока. Эти новшества и атеизация крестьянства вызвали неприятие у наиболее крепких в вере, по сравнению с другими слоями крестьян, старообрядцев, особенно тех, кто поселился в глухой тайге по р. Бикин. Стойкое следование религиозным традициям, строгое подчинение старикам, начётчикам, монастырям, нежелание выселяться с хуторов, расположенных в верховьях р. Бикин в её низовья, вступать в колхоз, отдавать детей в школу, участвовать в лесозаготовках, сдавать государству хлебные излишки, принимать участие в мясозаготовках, уплате продналога, самообложения, займа; боязнь записей (поимённые списки, учёт скота, инвентаря, билеты Союзохоты, облигации, участие в кооперации, Туземном интеграле и т.д.); боязнь утраты старинных обычаев, упадка веры и авторитета старших, как неизбежное следствие в случае советизации района, побудили их искать разные формы протеста – бегство в самые глухие районы Уссурийской тайги; неподчинение мероприятиям советской власти, их саботирование; антисоветскую агитацию; вооружённое выступление; эмиграцию за рубеж. В итоге, к 1930-м гг. во многих таёжных и морских прибрежных районах Приморья скопилось много крестьян-старообрядцев, недовольных советской властью. В 1932 г. это вылилось в так называемое Кхуцинское (Улунгинское) старообрядческое контрреволюционное выступление, охватившее население нескольких десятков деревень и хуторов по долинам рек Бикин, Самарга, Кхуцин, Светлая и др.

Анализ вышеприведённых материалов свидетельствует, что преобладающими причинами восстания были экономические, политические и идеологические. Основными были экономические причины. Организация кооперации, а затем и колхозов, раскулачивание зажиточного населения была воспринята как посягательство на экономическую независимость крестьян. Экономические проблемы решались политико-административными мерами, что и обусловило основную политическую причину восстания, которая вытекала из экономической, так как активных противников советской власти, судя по материалам следственного дела, среди восставших не было. Основными мотивами идеологии восстания была борьба за веру, древнее благочестие, против «царства антихриста». Религиозные мотивы восстания также были вторичными, т.к. в его ходе руководители довольно часто нарушали постановления соборов. Причины восстания, объединившие экономические, политические и идеологические причины, наиболее точно суммировал один из руководителей восстания – Николай Медолович: нежелание выселяться из хуторов, расположенных по р. Бикину по постановлению Далькрайисполкома, коллективизация, участие в лесозаготовках, мясозаготовках, сдачи государству хлебных излишков, уплате продналога, самообложения, займах; организация школы; боязнь записей (в поимённые

списки, по учёту скота, инвентаря и др.), утраты старинных обычаев и быта [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 105].

Идеологическое руководство восстанием старообрядцев, как уже говорилось, осуществляли монастыри и регулярно проводившиеся соборы. Военный штаб восстания, во главе с Антоном Кулагиным, находился в Улунге Бикинской. В командный состав восстанием входили лица, имевшие военный опыт (участники первой мировой войны и партизанских отрядов), опыт работы в сельсоветах, бывшие военные (И. Токарев, Н. Куликов, Н. Медолович) и др.). Вооружённые силы старообрядческого выступления состояли в основном из крестьян и охотников-промысловиков общей численностью примерно до 1 000 чел.

Отметим, что хотя в литературе [Аргудяева, 2000, 57–58; Караман, 2000, 70–77] это восстание называлось старообрядческим, сугубо старообрядческим оно не было. Его можно назвать таковым в связи с тем, что основную массу восставших составляли крестьяне-старообрядцы, хотя среди участников восстания были представители разных социальных, этнических и религиозных групп – бывшие военные, сотрудники сельсоветов и др. (т.е. представители власти «антихриста»), удэгейцы (т.е., по мнению старообрядцев, язычники, «нехристи»). О том, что это не было восстанием религиозных фанатиков говорит также стиль и характер материалов донесений и приказов военного штаба восстания и неоднократное нарушение решения старообрядческих соборов и уложений. Например, при оформлении приказов военного штаба использовали датировки по грегорианскому календарю, а не по исчислению от сотворению мира, как это предписывала одна из статей Бикинского Соборного уложения [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 62]; были и другие примеры нарушения постановлений соборов. Таким образом, несмотря на строгий и непримиримый характер Соборных уложений, религиозные мотивы не были определяющими причинами восстания, а, скорее, идеологическим прикрытием. Судя по материалам следствия, руководители восстания надеялись на победу не путём опоры только на старообрядческие каноны, а на всеобщее восстание населения Дальнего Востока и интервенцию представителей соседних государств, преимущественно японцев и эмигрантов-белогвардейцев из Китая [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 146].

Как же происходило само восстание?

Его центром была Улунга Бикинская. Здесь находился военный штаб, который был связан с несколькими восставшими районами, находившимися на значительном расстоянии от Улунги Бикинской. В обвинительном заключении по данному делу говорится, что вооружённым выступлением старообрядцев было охвачено 75 населённых пунктов от бухты Самарга на Севере до бухты Ольга на юге и в бассейне р. Бикин за перевалом хребта Сихотэ-Алинь [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 90 (пакет)]. Однако, это, скорее, была территория, охваченная связями восставших. Сам район, охваченный восстанием, был значительно меньше.

Идеологическое руководство восстанием старообрядцев, как уже говорилось, осуществляли монастыри и регулярно проводившиеся соборы. Военный штаб восстания, во главе с бывшим секретарём Улунгинского сельсовета Антоном Кулагиным, находился в Улунге Бикинской. В командный состав восстанием входили лица, имевшие военный опыт (участники первой мировой войны и партизанских отрядов), опыт работы в сельсоветах, бывшие военные (И. Токарев, Н. Куликов, Н.М. Медолович) и др.). Положительную роль в руководстве сыграл бывший офицер царской армии, скрывавшийся у старообрядцев, Николай Мелентьевич Медолович, который попытался организовать в отрядах строгую дисциплину и военную дисциплину.

Вооружённые силы старообрядческого выступления состояли в основном из крестьян и охотников-промысловиков общей численностью примерно до 1000 чел. Отряды восставших формировались на основе добровольности, хотя, судя по документам, в отдельных случаях и наблюдалось психологическое давление. В целом, население поддерживало восставших и оказывало им всяческую поддержку.

Восстание началось 6-го мая 1932 г. в Улунге Бикинской. Организаторы восстания во главе с Антоном Кулагиным принимают решение о вооружённом выступлении. 7-го мая в Улунге Бикинской восставшими был захвачен кооператив,

магазин Госторга, сняты советские флаги, проведён митинг с объявлением населению о свержении советской власти, объяснены цели и задачи восстания. Был создан и направлен в соседнее село Лаухэ небольшой отряд, который арестовал местных представителей советской власти. В долины рек Кхуцин и Светлая и в сторону посёлка Бикин были выставлены заставы в целях пресечения войск ОГПУ или людей, которые смогли бы сообщить властям о начале восстания.

После этого была предпринята попытка наступления на с. Кхуцин, но она провалилась. Наступление не было должным образом подготовлено, разведка была захвачена в плен, среди бойцов отряда началась паника и дезертирство. Не были должным образом согласованы и действия с заключёнными Управления лагерей особого назначения (УЛОН) и с соратниками восстания в с. Кхуцин. Взятие Кхуцина давало бы восставшим хорошие возможности для расширения территории восстания и дальнейшей борьбы: захват радиостанции, арсенала оружия, водного транспорта (катера) и определённого золотого запаса. В поражении наступления сказались, скорее всего, отсутствие военного опыта. Правда, после этого провала были предприняты ряд мер по повышению боеготовности восставших: они были разбиты на взводы и отделения, прошли обучение военного характера (тактика рассыпного строя, перебежки и др.) [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 123]. Восставшие перешли к оборонительной тактике. Были построены земляные укрепления, заставы, стали применяться система условных сигналов и расписание смены караулов [ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 50, 58].

Несмотря на эту подготовку, войска ОГПУ через четыре месяца подавили восстание. Улунгу Бикинскую взяли штурмом только на пятый день. Отдельных участников восстания выявляли в тайге до весны 1933 г.

Началось следствие. По нему проходило более 500 мужчин, в основном глав крестьянских семей. В итоге 118 чел. было расстреляно, в том числе и некоторые удэгейцы, помогавшие старообрядцам [Аргудяева, 2000, 57–58; 320–337]. Остальные получили разные сроки заключения; некоторые были высланы в Западную Сибирь. Семьи большинства участников восстания были выселены в спецпосёлки Хабаровского края для работы в леспромхозах.

Основной причиной поражения восстания, на наш взгляд, является плохая организация военных действий. В подавлении Улунгинского восстания принимал участие один из погранотрядов ОГПУ. По своей численности он был гораздо меньше, чем военные силы восставших, но значительно превосходил их по технической оснащённости, боевой выучке и дисциплине. Об этом говорят и потери с обеих сторон. Со стороны пограничников погибло 7 человек и 8 ранено, со стороны повстанцев – убито 20 человек, 8 ранено, остальные захвачены в плен.

После подавления этого восстания мероприятия советской власти по переустройству деревни уже не встречали вооружённого сопротивления, однако крестьянство не прекратило полностью своего сопротивления репрессивной политике государства – оно использовало невооружённые формы: экономический саботаж и бегство из деревни на промышленные предприятия в рабочие посёлки и города. К ним добавилась и эмиграция за рубеж. В 1930-е годы десятки старообрядческих семей Приморья тайно перешли границу и создали целый ряд населённых пунктов в Маньчжурии, где создали успешные хозяйства [Аргудяева, 2000].

Список сокращений:

ГАПК – Государственный архив Приморского края.

Библиографический список

1. Аргудяева, Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России / Ю.В. Аргудяева. – М.: ИАЭ РАН, 2000. – 365 с.
2. Аргудяева, Ю.В. Русские старообрядцы в Маньчжурии / Ю.В. Аргудяева. – Владивосток: ДВО РАН, 2008. – 400 с.

3. ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. 18. Л. 5.
4. ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 112; Т. 18. Л. 7.
5. ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 93–95.
6. ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 116.
7. ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 112–113, 120.
8. ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 97, 112–113, 120, 237.
9. ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 9.
10. ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 97.
11. ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 91, 94–95, 277 об.
12. ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 278.
13. ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 89.
14. ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 117.
15. ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 18.
16. ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I8. Л. 26.
17. ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 297; Т. 18. Л. 25.
18. ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I8. Л. 25.
19. ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 105.
20. ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 62.
21. ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 146.
22. ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 90 (пакет).
23. ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 123.
24. ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ-7048. Т. I. Л. 50, 58.
25. Караман, В.Н. Улунгинское восстание старообрядцев 1932 г. / В.Н. Караман // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Материалы междунар. научн. конф. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – С. 70–77.

Текст поступил в редакцию 29.09.2017.

¹ Посёлок с таким же названием (Улунга) был и на побережье Японского моря.

References

1. Argudyaeva Yu.V. *Staroobryadtsy na Dal'nem Vostoke Rossii* [Old Believers in the Russian Far East]. Moscow: IAE RAN, 2000, 365 p. (in Russian).
2. Argudyaeva Yu.V. *Russkie staroobryadtsy v Man'chzhurii* [Russian Old Believers in Manchuria]. Vladivostok: DVO RAN, 2008, 400 p. (in Russian).
3. *GAPK (Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya)* [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588. Inventory III. File PU-7048. Volume 18. Fol. 5 (in Russian).
4. *GAPK (Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya)* [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588. Inventory III. File PU-7048. Volume I. Fol. 112; volume 18. Fol. 7 (in Russian).
5. *GAPK (Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya)* [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588. Inventory III. File PU-7048. Volume I. Fols. 93–95 (in Russian).
6. *GAPK (Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya)* [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588. Inventory III. File PU-7048. Volume I. Fol. 116 (in Russian).
7. *GAPK (Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya)* [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588. Inventory III. File PU-7048. Volume I. Fols. 112–113, 120 (in Russian).
8. *GAPK (Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya)* [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588. Inventory III. File PU-7048. Volume I. Fols. 97, 112–113, 120, 237 (in Russian).
9. *GAPK (Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya)* [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588. Inventory III. File PU-7048. Volume I. Fol. 9 (in Russian).
10. *GAPK (Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya)* [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588. Inventory III. File PU-7048. Volume I. Fol. 97 (in Russian).
11. *GAPK (Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya)* [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588. Inventory III. File PU-7048. Volume I. Fols. 91, 94–95, 277 (in Russian).
12. *GAPK (Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya)* [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588. Inventory III. File PU-7048. Volume I. Fol. 278 (in Russian).
13. *GAPK (Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya)* [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588. Inventory III. File PU-7048. Volume I. Fol. 89 (in Russian).
14. *GAPK (Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya)* [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588. Inventory III. File PU-7048. Volume I. Fol. 117 (in Russian).

15. GAPK (*Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya*) [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588. Inventory III. File PU-7048. Volume I. Fol. 18 (in Russian).
16. GAPK (*Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya*) [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588. Inventory III. File PU-7048. Volume I8. Fol. 26 (in Russian).
17. GAPK (*Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya*) [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588. Inventory III. File PU-7048. Volume I. Fol. 297; volume 18. Fol. 25 (in Russian).
18. GAPK (*Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya*) [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588. Inventory III. File PU-7048. Volume I8. Fol. 25 (in Russian).
19. GAPK (*Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya*) [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588. Inventory III. File PU-7048. Volume I. Fol. 105 (in Russian).
20. GAPK (*Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya*) [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588. Inventory III. File PU-7048. Volume I. Fol. 62 (in Russian).
21. GAPK (*Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya*) [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588. Inventory III. File PU-7048. Volume I. Fol. 146 (in Russian).
22. GAPK (*Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya*) [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588. Inventory III. File PU-7048. Volume I. Fol. 90 (in Russian).
23. GAPK (*Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya*) [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588. Inventory III. File PU-7048. Volume I. Fol. 123 (in Russian).
24. GAPK (*Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya*) [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588. Inventory III. File PU-7048. Volume I. Fols. 50, 58 (in Russian).
25. Karaman V.N. *Staroobryadchestvo Sibiri i Dal'nego Vostoka. Istoriya i sovremennost'. Mestnye traditsii. Russkie i zarubezhnye svyazi. Materialy mezhdunar. nauchn. konf.* [Old Believers Faith in Siberia and the Far East. History and Present. Local Traditions. Russians and Foreign Connections. Proc. of International Scientific Conference]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2000, pp. 70–77 (in Russian).